

ИРИНА
МУРАВЬЕВА

ЖЕНА ИЗ ТАИЛАНДА

Высокая проза

Эта проза странная. Издатели пытаются ее уткнуть в жанр «женской прозы», а жанр для нее маловат, трещит по швам. Слишком живое, слишком настоящее.

Михаил Шнишкн

Ирина Муравьева — самый, по-моему, интересный русский зарубежный прозаик новейшего времени. Безупречная память, тонкий слух, высокопрофессиональная наблюдательность и дар сострадания — что еще нужно хорошему писателю? Всем этим обладает Муравьева. Бог ей в помощь.

Александр Кабаков

Ирина Муравьева

Весенний день, тринадцатое мая

«ЭКСМО»

2009

Муравьева И. Л.

Весенний день, тринадцатое мая / И. Л. Муравьева — «Эксмо»,
2009

ISBN 978-5-699-32616-7

ISBN 978-5-699-32616-7

© Муравьева И. Л., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Ирина Муравьева

Весенний день, тринадцатое мая

* * *

Пришла телеграмма из Москвы: «Умерла дочь. Похороны во вторник. Нина»

Профессор Браунского университета Николас Брюлоу, по-русски: Николай Арнольдович Брюллов, – ошеломлен. Он, разумеется, сразу же понял, от кого телеграмма, и понял, кто умер, но лица женщины, пославшей эту телеграмму, вспомнить не мог, не мог сосчитать, сколько лет должно было быть этой дочери, которая умерла, а главное, он не знал, как ему реагировать на страшное известие, полученное из того мира, к которому он не имеет уже никакого отношения.

Ужас, охвативший его, когда он пробежал глазами коротенький текст извещения, относился не к тому, что оно заключало в себе, а к тому, что могло бы заключать, если бы Богу было угодно поразить Николая Арнольдовича истинным горем. Тогда это было бы известие не о смерти этой, пару раз виденной им, чужой совсем девушки, а о смерти его ненаглядной красавицы, умницы, радости Маши, недавно уехавшей с мужем в Японию, в Токио. Ведь дочка-то Маша! О Господи, страшно подумать...

Успокоившись, он застегнул пальто и прихватил на всякий случай палку, которую купил себе на днях в антикварном магазине в Ньюпорте, куда они с Маргаритой поехали погулять и проветриться, скучая по Маше, по общим воскресным обедам. Магазины в Ньюпорте – такие, как тот, антикварный, – прелестны. Мысль Николая Арнольдовича, как белка, перепрыгнула с московских событий в Ньюпорт и, уцепившись за антикварные магазины, застыла почти без движения. Да, там магазины, и было тепло в воскресенье. И он присмотрел эту палку. Ненужную, в общем, но недорогую.

Когда же она умерла, эта девушка? Сколько ей лет? То есть было бы сколько?

Опираясь на палку и всей своей тяжелой, но очень красивой кистью правой руки чувствуя приятную прохладу ее серебряного набалдашника, Николай Арнольдович поднялся по лестнице, вошел в кабинет и взял там стоящий на стуле портфель. И тут его вдруг что-то как укололо: с таким вот тяжелым портфелем он бегал когда-то – давно, в другой жизни! – в Москве. Эскалаторы, спешка. Ну да. Он там бегал и был молодым и подвижным. Женщины смотрели на него, и он отвечал их любопытным взглядам. У них были подведены уголки глаз – тогда это было так модно. И что-то еще... Что? А, вот это! Они носили вязанные платки и сверху меховые шапки. И все были словно боярышни. И Нину он встретил в метро. Она была точно такой же: стыдливой и стройной боярышней с подведенными серыми глазами.

В комнату заглянула жена, бледная, по-утреннему растрепанная, и кротко спросила его, что случилось. Ее способность безошибочно угадывать его настроение всегда поражала Николая Арнольдовича. Маргарита, как девочка из сказки, которая забралась в котомку к медведю, чтобы он не сел на пенек и не съел пирожок, знала, что происходит с ним, гораздо лучше, чем он сам это знал. Теперь, разумеется, было поздно анализировать, насколько удачен был их этот брак. Он был очень долгов (почти сорок лет!), и она родила ему Машу.

Николай Арнольдович любил женщин до бешенства. Даже сейчас, в свои семьдесят лет, он чувствовал дикое волнение, когда какая-нибудь голоногая студенточка в шортах, с блестящими душистыми волосами и густыми ресницами входила к нему в кабинет и робким голосом просила перенести ей экзамен. Он соглашался на любые переносы – только бы она скорее ушла, только бы не видеть, как ее тонкая шея вплывает в горячую смуглую грудь, как дешевая сережка поблескивает в прозрачной мочке и как розовеет царапина на круглом и легком колене, подернутом еле заметным пушком.

– Ник? – вопросительно спросила Маргарита. – Ты что, плохо спал? Или чем-то расстроен?

Николаю Арнольдовичу очень захотелось сказать ей правду. Тогда Маргарита, с ее любящим сердцем, немедленно взвалила бы на себя большую часть его огорчения. Ему, разумеется, стало бы легче. Но как же сказать Маргарите, жене, что вот умерла его дочь, которую он даже и не вспоминал, а ей, Маргарите, ни разу о дочери не заикнулся?

– Я не расстроен, – сухо ответил он. – Но с вечера очень болит голова.

Он сознательно перешел на русский, желая этим поставить ее на место, напомнить ей, что никакие они не американцы, живут здесь по необходимости, а сама Маргарита – внучка белого генерала, родившаяся в Париже, закончившая там Сорбонну и только после этого переехавшая с мужем в Америку, где у Николая Арнольдовича всегда была работа по специальности и всегда в самых лучших американских университетах. Специальностью Николая Арнольдовича был русский восемнадцатый век и особенно боготворимый им Державин, которого он неизменно ставил куда выше всех европейских поэтов, включая при этом и Пушкина.

– Ты, может быть, примешь лекарство? – покорно переходя на русский, но со своим неизменным французским придыханием, спросила Маргарита. – Тогда ты запей.

– Да нет, потерплю, – отмахнулся он и, все сильнее досадуя на жену за то, что она не должна знать той правды, которая обрушилась на него, стукнул дверью.

До лекции было почти еще сорок минут. Он поставил свою старую, но добротную, мышиного цвета «Вольво» на стоянку и, зайдя в маленькое, на четыре столика кафе, взял себе бумажный стакан булькающего темного шоколада, к которому питал слабость со времен Сорбонны. Стояла середина мая, время, которое Николай Арнольдович особенно любил с детства, прошедшего в заросшей лесами, наивной, с широкими реками Чехии. В Чехии-то и пробудилась его «русскость», хотя землю, из которой вышла его семья, Николай Арнольдович увидел впервые, когда ему исполнилось тридцать два года и он, аспирант Сорбонны, поехал в Москву на стажировку. Бабушка, вырастившая Николая Арнольдовича, называла красную Россию одним словом: «ад» и до конца дней своих благословляла то стечение обстоятельств, которое позволило ей, ее сестрам, отцу, брату, маме покинуть его, этот ужас. Когда Николай Арнольдович переехал из Праги в Париж, а уже из Парижа в Америку, пылкая любовь к Державину, а заодно и ко всей великолепной, «немыслимой» – как, содрогаясь, говорил он иногда самому себе – русской литературе переросла в любовь к той земле, из которой пришлось убежать его бабке, отцу, теткам, прадеду, и он привык любить ее не так, как любят конкретную землю, в которой есть или мог бы быть дом, а так, как любят идею какой-то далекой земли, когда говорят, например, «мои предки». К России сегодняшней – нужно признаться – он чувств никаких не испытывал.

Опять наступил этот май! Опять его звуки и запахи. Николай Арнольдович вдруг резко остановился на ходу и слегка расплескал шоколад из стаканчика. Он вспомнил, что вскоре, в Москве, где, наверное, тоже цветет, распускается все, зеленеет и дышит, что там, в этой очень забытой Москве, будут хоронить его дочку по имени Ксения, закапывать в землю. А сколько же лет этой Ксении? Когда же она родилась? Он зашевелил губами, подсчитывая. И вышло так мало, всего тридцать шесть. Да как же так вдруг? Что же вдруг: умерла? Ведь совсем молодая!

А вдруг у нее были дети? Николай Арнольдович поднял голову и увидел во глубине очень ясного синего неба тихие белые облака, в которых он сумел разглядеть большеглазые детские лица, попавшие в небо со старых полотен. И Машино было лицо там. Да, слева, где вспыхнули локоны. После лекции можно было сразу пойти домой, но Николай Арнольдович отправился в свой кабинет, расположенный в самом конце вкусно пахнущего старым деревом коридора. Дверь соседнего кабинета была открыта, и, проходя мимо, он увидел сидящего за столом профессора Тэда Драйвера – тучного, неухоженного, с большой серебряной головой. Тэд читал курс по европейскому и русскому романтизму, был добр и снисходителен к студентам, никогда

не заискивал перед начальством. Похоронив жену, он почти прекратил все отношения с миром, в университет приезжал только на занятия, а все остальное время сидел дома – в холодные дни перед камином, а в теплые на веранде, – читал, много пил, спал, накрывшись платком, в своем побелевшем, продавленном кресле, расставив распухшие ноги, и, голубоглазый, со старческими серебряными завитками на толстой малиновой шее, похож был на старых вельмож и придворных.

Николай Арнольдович замешкался перед раскрытой дверью, думая поздороваться и пройти дальше, но вдруг увидел, что Тэд изо всей силы трет себе кулаками глаза, как это делают дети, чтобы скрыть слезы.

– Вы знаете, Ник? – глубоким басом, в котором тем не менее было что-то детское, сказал Тэд. – Сегодня ведь год, как моя Лизи...

– О? – встрепенулся Николай Арнольдович. – Подумайте: год! Бедняжка, бедняжка...

– Бедняжка-то я, – тем же детским басом отозвался Драйвер. – Бедняжка тот, кто остается.

Николай Арнольдович молча вытащил из кармана смятую телеграмму и положил ее перед Тэдом. Тэд торопливо, услужливым детским движением, вытер мокрые щеки, прочитал и вопросительно посмотрел на Николая Арнольдовича своими выцветшими голубыми глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.